

Нам представляется, что, работая над «Вишневым садом» в течение двух с половиной лет, Чехов наблюдал колебания в интонации создаваемой им пьесы от драмы до «комедии, почти фарса». И образ грустного клоуна, который иногда может рассмешить всех, а иногда – расстроить самого себя, стал для него своеобразным барометром, моделью эмоциональной динамики пьесы. «Метод сложного сочетания фарсовых и драматических элементов наиболее отчетливо виден в образе Шарлотты»⁹. Сама Шарлотта – персонифицированная модель интонации, эмоционального мира чеховской пьесы. С. Я. Сандерович выдвигает предположение, что Шарлотта является главным антиподом Лопухина. С точки зрения исследователя, она – «воплощение артистического начала, которого лишен Лопухин»¹⁰. В этом противопоставлении, как нам кажется, есть определенное преувеличение. Но, действительно, нельзя отрицать, что Шарлотта – единственный появляющийся на сцене представитель сколько-нибудь творческой профессии. Через нее автор вносит свои коррективы в сложно вытканное полотно эмоциональной жизни персонажей.

В подтверждение обратимся к одному из наиболее загадочных мест пьесы. В первом действии Шарлотта «проходит через сцену в белом платье» (Соч., 13,209). И спустя несколько минут Раневская восклицает: «Посмотрите, покойная мама идет по саду... в белом платье! (Смеется от радости.) Это она» (Соч., 13,209). Шарлотта невольно становится тем самым подходящим объектом, за который цепляется разыгравшееся под влиянием нахлынувших воспоминаний воображение Любови Андреевны. Шарлотта Ивановна – один из сигналов авторской воли, спутник главных героев, подчеркивающий, а иногда предвосхищающий изменения в их эмоциональном состоянии. Отсюда признание – «это лучшая роль, остальные мне не

нравятся». В образе Шарлотты Чехов нащупывал принципиально новый драматургический прием создания сценической атмосферы.

Нам кажется, это образ был столь важен для Чехова, потому что в ней стягивались основные узлы главного противоречия чеховской драматургической интонации. Образ Шарлотты Ивановны может рассматриваться не только как элемент художественного мира «Вишневого сада», но и как своеобразный индикатор творческого процесса А. П. Чехова. И именно этот двойственный статус Шарлотты заставлял Чехова неоднократно ставить рядом с ней «знак вопроса».

Примечания

- ¹ Скафтымов А. О единстве формы и содержания в «Вишневом саде» А. П. Чехова // Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 351.
- ² Станиславский К. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7. М., 1995. С. 265–266.
- ³ Немирович-Данченко В. Избранные письма : в 2 т. Т. 1. М., 1979. С. 343–344. Цит. по : Переписка А. П. Чехова : в 2 т. Т. 2. М., 1984.
- ⁴ Чехов А. Письмо Книппер-Чеховой О. Л., 14 октября 1903 г. Ялта // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. Т. 11. М., 1982. С. 273–274. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера тома и страницы.
- ⁵ Сандерович С. «Вишневый сад» – последняя шутка Чехова // Вопр. литературы. 2007. № 1. С. 86.
- ⁶ Петров Н. О «Вишневом саде» // Драматургия Чехова. Харьков, 1935. С. 156.
- ⁷ Скафтымов А. Указ. соч. С. 351.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Бердников Г. Драматургия Чехова // Бердников Г. Избранные работы. М., 1986. С. 245.
- ¹⁰ Сандерович С. Указ. соч. С. 87.

УДК821.161.1.09-3+929Мережковский

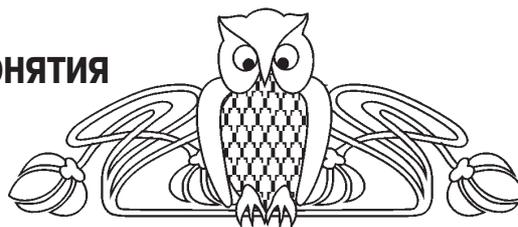
ИСТОРИСОФСКИЙ ДИСКУРС: ОБЪЕМ ПОНЯТИЯ (к вопросу о жанровой специфике историсофского романа)

Т. И. Дронова

Саратовский государственный университет
E-mail: tida52@mail.ru

В статье ставится проблема жанровой классификации произведений, содержащих философско-историческую проблематику, рассматриваются качественные характеристики историсофского дискурса, определяются его границы в рамках философско-исторического познания, вырабатываются аксиологические критерии квалификации историсофского романа.

Ключевые слова: Д. Мережковский, историсофский дискурс, историсофский роман, роман познания, философия истории, историсофия, религиозно-философский ренессанс.

**Historiosophic Discourse: the Scope of the Notion
(to the question of the historiosophy novel genre)**

T. I. Dronova

The article puts forward a problem of the genre classification of the works containing philosophical and historical issues; qualitative characteristics of the historiosophic discourse are regarded; its boundaries are defined within philosophic and historic learning; axiological criteria of the historiosophic novel qualification are developed.

Key words: D. Merezhkovsky, historiosophic discourse, historiosophic novel, novel of learning, philosophy of history, historiosophy, religious and philosophic Renaissance.

В литературоведческих исследованиях 1990-х – начала 2010-х гг. термин «историософский роман» активно используется в качестве жанровой номинации произведений о далеком и недавнем прошлом, в которых доминирует авторская философско-историческая концепция – Д. Мережковского, А. Белого, А. Амфитеатрова, М. Алданова, М. Булгакова, А. Платонова, Л. Леонова, А. Солженицына и др.¹ В работах последних лет наблюдается тенденция к экспансии термина в направлении современной, в том числе постмодернистской, прозы². При этом в литературоведении, как правило, не очерчиваются границы понятия «историософский», вследствие чего трактовки жанра историософского романа утрачивают необходимую определенность.

О насущной необходимости в филологической науке терминологической рефлексии убедительно писал С. С. Аверинцев: «Как бы ни переосмыслял термины языковой обиход, в научном языке термины могут употребляться (просьба простить тавтологию) лишь терминологически <...>. Всякий текст, допускающий возможность неоговоренной подмены термина псевдотермином, автоматически выбывает из числа научных. Однако и корректное пользование терминами допускает варианты в расстановке смысловых акцентов; выбор того или иного варианта диктуется нуждами данного направления анализа, в отличие от других возможных направлений. Относительно этого выбора желателен сразу же объяснить с читателем (выделено автором. – Т. Д.)»³.

Безусловно, на характер литературоведческих терминологических предпочтений влияют общеэстетические представления авторов. Современные трактовки категории жанра, романного мышления, конструктивных принципов историософского романа восходят к разным теоретическим концепциям, а в ряде случаев отличаются едва ли не диаметрально⁴.

На наш взгляд, качественные характеристики историософского романа не могут быть выявлены без осмысления дескриптивных (описательных) возможностей и внутренних границ историософского дискурса. Первый вопрос, с которым сталкивается исследователь, – можно ли считать историософским всякий роман, содержащий философско-историческую проблематику? Иными словами, любая ли философия истории может квалифицироваться как историософия? Всегда ли историософия предполагает наличие у истории «мудрости» – положительного ответа на вопрос о цели и смысле истории? Обязательна ли ориентация на авторский идеал будущего, то есть признание будущего в качестве абсолютного горизонта вопрошания о смысле истории? Или, может быть, это не только перспективная проекция, но и непременно обращение к проблеме «конца истории»?

Другой круг вопросов возникает в связи с произведениями, в которых художник сосредото-

чен на проблеме смысла истории, подчиняет повествование поиску положительного решения, но демонстрирует ложность предпринимаемых героями попыток. В какой мере можно считать историософскими романы, предлагающие отрицательный ответ на вопрос об осмысленности бытия? И как квалифицировать тексты, в которых доминирует авторская рефлексия о путях, методах, границах постижения истории? И – шире – какие проблемы могут быть квалифицированы как философско-исторические и историософские?

Целью статьи является разграничение таких понятий, как «философия истории» и «историософия», выявление иерархических связей между ними и выработка рабочего определения историософского дискурса.

Термин дискурс, получивший в современном гуманитарном пространстве – от философии до лингвистики – впечатляющее многообразие толкований⁵, мы употребляем в том широком значении, которое вкладывает в него М. Фуко⁶. По мнению ученого, каждая научная дисциплина обладает своим дискурсом, выступающим в виде специфической для данной дисциплины «формы знания» – понятийного аппарата с тезаурусными взаимосвязями. Для каждой конкретной исторической эпохи совокупность этих форм познания образует свой уровень «культурного знания», именуемой Фуко «эпистемой»⁷.

Специфика и внутренне границы историософского дискурса уже длительное время являются предметом осмысления со стороны таких дисциплин, как история, философия, социология, в границах которых конкретное наполнение понятия и способы его интерпретации значительно отличаются. Для нас приоритетными являются литературоведческие методы исследования и «языки описания». Но в силу «пограничного» характера историософского романа⁸ мы не можем обойтись без освоения терминологического аппарата и исследовательских результатов сопредельных наук.

Обращение к новейшим концепциям философско-исторического знания обнаруживает дискуссионный характер толкований предметного поля историософии.

Для одних ученых характерен широкий подход, в рамках которого историософия предстает как синоним понятия «философия истории»⁹. Тем самым ставится под сомнение существование историософского дискурса как специфического единства, не вполне совпадающего с областью философско-исторического. Такое решение проблемы диктуется современным постмодернистским сознанием, дающим отрицательный ответ на вопрос о смысле истории¹⁰.

Для других историософский дискурс – особая сфера философско-исторического мышления, имеющая свою предметную область и теоретико-методологический инструментарий в рамках философии истории¹¹. Исследователи выделяют две крупные отрасли философии истории –

историсофию (другие названия – историческая онтология, субстанциональная философия истории) и историческую эпистемологию (теорию познания)¹².

В работах современных исследователей, держащихся в русле определения, данного русскими религиозными философами, фиксация специфического смыслового оттенка, присутствующая в понятии «историсофия», явилась основополагающей для рассмотрения целого направления русской мысли – от П. Я. Чаадаева, славянофилов до В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, Л. П. Карсавина¹³. А. В. Малиновым историсофский подход осмысливается как связанный с христианской концепцией мировой истории. Среди ведущих черт историсофии им акцентируется сосредоточенность на вопросах целесообразности и векторной направленности исторического процесса к достижению смысла истории. «История с историсофской точки зрения рассматривается как телеологическая структура <...> История согласно историсофской установке развивается закономерно, но и эта закономерность часто принимает вид провиденциализма. Ход истории однозначно предрешен, ее смысл и цель заранее определены...»¹⁴.

Наряду с историсофским направлением А. В. Малинов выделяет в рамках русской философии истории теоретико-методологическое направление. Оно представлено, по его мнению, в философско-исторических концепциях русских просветителей (В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин и др.), либеральных историков, правоведов, публицистов (Н. А. Полевой, Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин и др.), а также – в философии истории Н. И. Кареева и А. С. Лаппо-Данилевского. На наш взгляд, предложенная исследователем структура взаимодействия понятий убедительна и отвечает отечественной практике: философия истории как более широкое понятие включает в свой состав историсофию и эпистемологию (теорию познания).

Такой подход, как нам представляется, дает надежный методологический ориентир литературоведу, ставящему задачу жанровой квалификации философско-исторических повествований разного типа, позволяя классифицировать их в зависимости от доминирующего в романной структуре дискурса – историсофского или эпистемологического.

Но при всей плодотворности предложенного разграничения остается открытым вопрос о специфике историсофского дискурса, его границах и скрытых ресурсах.

В последнее десятилетие появилась тенденция к присвоению историсофии статуса особой теоретической дисциплины¹⁵. Генетически эта позиция связана с концепцией историсофии, разработанной в трудах Н. И. Кареева¹⁶. Историсофия трактуется ученым-позитивистом как философская теория исторического знания и

исторического процесса в целом, как «общие принципы философствования в истории»¹⁷. В новой социокультурной ситуации конца XX – начала XXI в. (отмеченной диффузным взаимопроникновением гуманитарного знания, размыванием междисциплинарных границ, возникновением нового порядка интеграции между дисциплинами) историсофский дискурс активно переосмысливается в социологии и политологии, претендующих на методологическую роль по отношению к другим формам общественнознания, в том числе и к философии¹⁸.

Автор одной из современных работ, О. Ф. Русакова, предлагает трактовку историсофского дискурса как универсального инструмента теоретического мышления: «В нашем представлении историсофский дискурс представляет собой относительно устойчивую когнитивную решетку, выполняющую функции структурирования, моделирования и интерпретации исторического процесса. Другими словами, историсофский дискурс – это матричная форма, лежащая в основе определенного теоретического конструирования и видения исторической реальности <...> Когнитивная решетка или матрица историсофского дискурса – это <...> довольно сложная система фильтров предпочтений – мировоззренческих, методологических, концептуальных, парадигмальных, категориально-понятийных, на базе которых формируются те или иные репрезентативные образы исторического процесса»¹⁹.

Представляется, что предложенное исследование переосмысление термина в векторе светского и научного мышления приводит к неправомерному расширению его проблемно-тематического поля и выхолащиванию смыслового ядра понятия.

Ближайшим предшественником О. Ф. Русаковой в переосмыслении роли историсофии с позиции современного научного знания является А. И. Ракитов, утверждающий, что «развитие и совершенствование материалистической версии исторической эпистемологии постепенно подготавливает исчезновение историсофии как философской дисциплины, ставящей себя вне эмпирической историографии, над ней и диктующей ей свои условия. Вместо идеалистической историсофии возникает и развивается научно обоснованное теоретическое знание об исторической реальности, образующее вместе с историографией подсистему исторической науки»²⁰.

При этом исследователь переосмысливает понятие «историсофия», аргументируя правомерность этого шага длительным перерывом в его употреблении, возникшим в отечественной науке в советский период. Восстанавливая историю возникновения термина, А. И. Ракитов отмечает, что «он получил известное распространение в трудах по религиозной философии истории. Однако впоследствии этот термин практически вышел из употребления. Об этом свидетельствует, напри-

мер, то, что он отсутствует в Большой Советской Энциклопедии, в Советской исторической энциклопедии, в Философской энциклопедии, а также в Британской энциклопедии и в Американской философской энциклопедии. Поэтому, используя этот термин, я надеваю его лишь вышеуказанным смыслом (историософия как теоретическое знание об истории. – *Т. Д.*), не связывая себя с имевшимися прежде значениями и смыслами»²¹.

Мы же, напротив, заинтересованы в восстановлении утраченных смыслов. На наш взгляд, необходимо учесть опыт тех исследователей русской философии истории, которые делают акцент на особом ракурсе, заданном семантикой термина – «мудрость истории»: «В отличие от понятия философии истории, которое применялось ко всем направлениям и школам и ориентировало на объяснение исторического процесса, историософия, акцентирующая идею софийности, или духовности, имела оттенок метаисторичности»²². При подобном подходе, опирающемся на опыт истолкования отечественной историософии в трудах Н. А. Бердяева и В. В. Зеньковского, акцентируется характерная для историософского дискурса сосредоточенность на вопросах онтологии и поисках смысла истории.

Термин «историософия» довольно позднего происхождения. Он обязан своим появлением А. Цешковскому, который ввел его в книге «Прологомены к историософии» (Берлин, 1838) для обозначения гегелевской философии истории. Рождение термина связано не с возникновением феномена, существующего, по крайней мере, с эпохи Августина Блаженного (354–430), предложившего в итоговом труде «О граде Божием» разработку христианской концепции смысла и путей развития мировой истории, а с осознанием актуальности для философско-исторического мышления нового времени данного способа познания²³. В течение XIX–XX вв. в рамках философии истории²⁴ определяется специфика историософии как телеологического и метаисторического способа постижения истории.

В качестве рабочего определения историософии как специфической для историософского дискурса «формы знания» может быть принято следующее.

Историософия – концепция философии истории, претендующая на целостное постижение конкретных исторических форм с точки зрения раскрытия в них универсального закона или метаисторического смысла.

Тип историософского мышления формируется в средневековой культуре и достигает вершинного воплощения в универсальных метафизических системах классической европейской философии, а также в тех философских течениях XX в., которые тесно связаны с традиционными христианскими парадигмами.

Русский «религиозно-философский ренессанс» (Н. Бердяев) первой трети XX в., пред-

ставляющий «неоромантическую реставрацию метафизики в ее различных формах – от наивно-эклетицистского спиритуализма до “христианского социализма”, от “конкретного идеализма” (С. Трубецкой) до персонализма экзистенциального толка»²⁵, при всех его отклонениях от православия имеет в качестве «образца» христианскую историософию. Источником интерпретационных разночтений является многосоставность христианского типа историософии, вбирающего историософские мотивы ветхозаветного мессианизма и собственно новозаветных постулатов, включая эсхатологические мотивы Откровения Иоанна Богослова.

Христианская историософия основывается на двух оппозициях: оппозиции истории «небесной» и истории «земной», а также оппозиции «Царства Духа» и «Царства Кесаря» в самой земной истории. В основе христианской историософии – метафизический принцип универсального становления, преемственности мировых эпох как этапов взаимоотношений Бога и человека: от грехопадения через искупление к становлению Богочеловечества. Исторический процесс («земная» история) вписан в универсальный процесс миротворения как последовательность этапов обожения. В историософских концепциях русских философов XX в. «логика истории» раскрывается в векторе становления провиденциального смысла мироздания, но само понимание «узловых моментов» истории – начало, становление, конец – у разных авторов может существенно отличаться.

Широкое вхождение термина «историософия» в философское и – шире – социокультурное сознание XX в. было обеспечено трудами таких отечественных мыслителей, как Н. Бердяев и В. Зеньковский²⁶. В работах, посвященных истории русской философии, они видят ее своеобразие в сосредоточенности на историософской проблематике. Во введении к своему фундаментальному труду «История русской философии» (Париж, 1948–1950), о. Василий Зеньковский пишет: «Русская мысль сплошь историософична, она постоянно обращена к вопросам о “смысле” истории, конце истории и т. п. Эсхатологические концепции XVI-го века перекликаются с утопиями XIX-го века, с историософскими размышлениями самых различных мыслителей. Это исключительное, можно сказать, чрезмерное внимание к философии истории, конечно, не случайно и, очевидно, коренится в тех духовных установках, которые исходят от русского прошлого, от общенациональных особенностей “русской души”»²⁷. При этом ученый подчеркивает, что теория познания у большинства русских философов отодвигается «на второстепенное место. За исключением небольшой группы правоверных кантовцев, русские философы очень склонны к так называемому онтологизму при разрешении вопросов теории познания (выделено автором. – *Т. Д.*)»²⁸.

При всей справедливости данного утверждения продуктивнее, как нам думается, не ограничи-

ваться рассмотрением лишь одной, приоритетной, линии отечественной философии, оставляя за ней право развивать разные типы рациональности. А в нашем случае представляется необходимым наряду с анализом творчества писателей историсофской ориентации (Д. Мережковский, А. Белый) рассмотреть романов повествований тех авторов, для которых приоритетными являются проблемы художественно-исторического познания и прямой или косвенной полемики с историсофскими концепциями своего времени. К числу таких авторов следует отнести Ю. Тынянова и М. Алданова.

Для понимания специфики историсофского романа Д. Мережковского особое значение имеет интерпретация историсофского дискурса, предложенная Н. Бердяевым, являющимся не только исследователем «русской идеи», но и создателем «эсхатологической метафизики». Историсофия позиционируется философом как национальная мыслительная традиция, предполагающая особый подход к постижению истории – постановку вопросов об историческом пути России, ее вкладе в мировую историю в соответствии с замыслом Творца: «Что замыслил Творец о России, что есть Россия и какова ее судьба <...> Может ли Россия пойти своим особым путем, не повторяя всех этапов европейской истории?»²⁹. Судьба России, ее роль в мировой истории, понимаемой не только как феноменальный, но и ноуменальный процесс, – эти вопросы относятся к разряду центральных в художественной историсофии первой трети XX в.

Религиозно-эсхатологический метод познания, определяющий позицию самого Н. Бердяева – автора «Смысла истории», «Опыта эсхатологической метафизики», – выдвигание на первый план идеи «конца истории», понимаемого в духе Апокалипсиса не только как смерть, но и как воскресение «всех живших и живущих», созвучны историсофии Д. Мережковского. Новый тип исторического романа, рождающийся в эпоху кризиса позитивизма, пробуждения интереса к отечественной историсофской традиции и расцвета философско-художественной софиологии, вбирает характерную для эпохи проблемность. При этом метод художественно-исторического познания, религиозно-эсхатологический в своей основе, сопрягается в творчестве писателя с иным типом анализа. В качестве инструмента исследования Мережковский пользуется гегелевской логической триадой – «тезис – антитезис – синтез». Синтетический характер историсофской концепции Мережковского проявляется в соединении его интуитивных прозрений с рациональными приемами постижения истории, в наследовании разным традициям философско-исторического мышления.

Выделение историсофского дискурса, характерного для эпохи Серебряного века, является для нас принципиальным, так как позволяет глубже

понять специфику нового типа исторического повествования, возникшего на рубеже XIX–XX вв. Но заинтересованность в постижении историсофского мышления данной эпохи не отменяет необходимости решения вопросов общеметодологического свойства.

С точки зрения избранной методологии, представляется неправомерным включение в разряд историсофских постмодернистских текстов с их утверждением хаоса истории, равно как и модернистских романов познания, в которых предлагается отрицательный ответ на вопрос о смысле истории.

Примечания

- 1 См.: Колобаева Л. Мережковский-романист // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1991. Т. 50, № 5 ; Струве Н. Православие и культура. М., 1992 ; Бобко Е. Художественное осмысление традиций Толстого-психолога М. А. Алдановым (на материале романа «Война и мир» и тетралогии «Мыслитель») // Филологический сборник: Современные проблемы языка и литературы. Саратов, 1996 ; Скотов Н. Вступительное слово на Международной научной конференции «Роман Л. Леонова «Пирамида». Проблема мирооправдания» // Русская литература. 1998. № 4 ; Дронова Т. Историсофский роман в русской литературе XX века : от Мережковского до Солженицына // А. И. Солженицын и русская культура : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1999 ; Она же. «Конца мы ищем бесконечного...» («Чевенгур») А. Платонова : историсофский дискурс // Русская литературная классика XX века : В. Набоков, А. Платонов, Л. Леонов : сб. науч. тр. Саратов, 2000 ; Она же. Историсофский роман в русской литературе 1910–1920-х годов : проблемы изучения // Русский роман XX века : Духовный мир и поэтика жанра : сб. науч. тр. Саратов, 2001 ; Полонский В. Опыты историсофской прозы в русской литературе начала XX века // В. Я. Брюсов и русский модернизм : сб. ст. М., 2004 ; Она же. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX–начала XX века. М., 2008 ; Она же. Мифопоэтические аспекты жанровой эволюции в русской литературе конца XIX–начала XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008 ; Калашиникова С. «Красное колесо» А. И. Солженицына в контексте русской историсофской прозы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2009 и др.
- 2 См.: Бреева Т. Жанровая специфика историсофского романа в русской литературе XX века // Вестн. ТГГПУ. 2010. № 2 (20) ; Она же. Концептуализация национального в русском историсофском романе ситуации рубежности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2011 ; Сорокина Т. Художественная историсофия современного русского романа : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2011 и др.
- 3 Аверинцев С. Античная риторика и судьбы античного рационализма // Аверинцев С. Образ античности. СПб., 2004. С. 10–11.
- 4 См. об этом : Дронова Т. Категория жанра в современном литературоведении (к проблеме идентификации

- историософского романа) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. серия. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 2.
- ⁵ См., например, разные интерпретации понятия в современной лингвистике : *Арутюнова Н.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Г. Ярцева. М., 1990 ; *Дейк Т. ван.* Анализ новостей как дискурса // Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1988 ; *Дымарский М.* Проза В. В. Набокова : «дискурсивизация» текста // Художественный текст : аспекты сверхфразовой организации : сб. ст. СПб., 1997 ; *Какорина Е.* Стилистические заметки о современном политическом дискурсе // Облик слова : сб. ст. М., 1997 ; *Карасик В.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград, 2000 ; *Кибрик А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003 ; *Костомаров В., Бурвикова Н.* Субъективная модальность как начало дискурсии // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова : тез. докл. М., 1995 и др.
- ⁶ См.: *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994 ; *Он же.* Археология знания. Киев, 1996 и др.
- ⁷ См.: *Ильин И.* Дискурсивные практики // Терминология современного зарубежного литературоведения (Страны Западной Европы и США) : справочник. М., 1992. Вып. 1. С. 50–51.
- ⁸ См. об этом : *Дронова Т.* Роман в «нероманную» эпоху : источники жанровой энергии в творчестве Д. С. Мережковского // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Русская филология. 2006. № 3.
- ⁹ Подобный подход, отличающий позицию А. Панарина, реализован в учебном пособии, вышедшем под его редакцией : *Философия истории.* М., 1999.
- ¹⁰ См.: *Панарин А.* Смысл истории // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. М., 2001. Т. 3. С. 578–579.
- ¹¹ См.: *Кимелев Ю.* Философия истории. Системно-исторический очерк // Философия истории : антология. М., 1994.
- ¹² См.: *Малинов А.* Философия истории в России : концепт университетского спецкурса. СПб., 2001.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 7–8.
- ¹⁵ См.: *Русакова О.* Историософия : структура предмета и дискурса // Вопр. философии. 2004. № 7. С. 48–59.
- ¹⁶ См.: *Кареев Н.* Основные вопросы философии истории : 2 т. СПб., 1887 ; *Он же.* Философия, история и теория прогресса // Кареев Н. Историко-философские и социологические этюды. СПб., 1899 ; *Он же.* Философия истории в русской литературе : изд. 2-е. М., 2011 и др. Анализ концепции Н. И. Кареева см. : *Мягков Г.* Русская историческая школа. Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988 ; *Золотарев В.* Историческая концепция Н. И. Кареева. Л., 1988 ; *Сафронов Б. Н. И. Кареев о структуре исторического знания.* М., 1994 ; *Новикова Л., Сиземская И.* Русская философия истории. М., 2000.
- ¹⁷ «Философией истории, – писал Кареев, – я называю историю человечества с философской точки зрения, а философскую теорию исторического знания и исторического процесса, отвлеченно взятого, называю историософией: она должна заимствовать свои учения из философии (самые общие воззрения), из истории, т. е. исторического знания (методы), и из психологии и социологии (законы духовной и общественной жизни), чтобы быть теорией философии истории, системой ее общих идей и принципов, которые необходимы при занятии всякой наукой» (Цит. по: *Новикова Л., Сиземская И.* Русская философия истории. С. 221–222).
- ¹⁸ См.: Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания (материалы «круглого стола») // Вопр. философии. 2004. № 7. С. 3–39.
- ¹⁹ *Русакова О.* Указ. соч. С. 56.
- ²⁰ *Ракитов А.* Историческое познание. М., 1982. С. 152.
- ²¹ Там же. С. 145.
- ²² *Новикова Л., Сиземская И.* Философско-историческая мысль России // Философия истории / под ред. А. С. Парина. М., 1999. С. 256.
- ²³ Некоторые исследователи считают, что исторически первой историософской системой была возникшая в античности мифологическая концепция последовательного регресса исторических эпох, предложенная Гесиодом (ок. 700 до н.э.). Впоследствии в античной культуре практически не разрабатывается историософская тематика, но предлагаются универсальные формулы теоретического выражения мифосимволистских концепций мирового космического процесса. Эти логико-теоретические конструкты (платонизм, неоплатонизм, поздеантичный синкретизм, в том числе гностицизм) оказали существенное влияние на последующую разработку историософии в христианской культуре.
- ²⁴ Термин был введен Вольтером в одноименной книге (1765), хотя фактически, как считают ученые, философия истории возникла в античности в исследованиях Геродота и Фукидида о силе исторического движения, далее идет через Полибия к целостному пониманию Посидония и нравственно-политическому – Плутарха. См. об этом: *Краткая философская энциклопедия.* М., 1994.
- ²⁵ *Исунов К.* Философия и литература «серебряного века» (сближения и перекрестки) // Русская литература рубежа веков (1890 – начало 1920-х годов) : в 2 кн. / отв. ред. В. А. Келдыш. М., 2001. Кн. 1. С. 73.
- ²⁶ См.: *Бердяев Н.* Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990 ; *Зеньковский В.* История русской философии : в 2 т. Л., 1991.
- ²⁷ *Зеньковский В.* Указ. соч. Т. 1, ч. 1. С. 16–17.
- ²⁸ Там же. С. 15.
- ²⁹ *Бердяев Н.* Указ. соч. С. 71.